

18+

СВЕТЛАНА ГАГАРИНА

Странные рассказы

Светлана Гагарина

Странные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73264283

ISBN 9785006916975

Аннотация

Все идеи для рассказов – в моей записной книжке. Со временем они превращаются в мини-истории. Все их герои – реальны. Порой текст разбавляю гипертрофированными элементами с целью увеличения выразительности и подчёркивания мысли. О чём мечтаю, к чему стремлюсь – экранизация моего сборника рассказов по принципу популярных сериалов, где серии не связаны между собой, но каждая из которых имеет ёмкий смысл и конкретную идею и цель.

Содержание

Роза и Кактус	5
Маринка	10
Ошибка	14
Доброта	18
О женском	26
Больничная палата	30
Романтика	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Странные рассказы

Светлана Гагарина

© Светлана Гагарина, 2026

ISBN 978-5-0069-1697-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роза и Кактус

(О жене и муже)

На подоконнике, под стеклянным куполом банки, стоял горшок с черенком садовой Розы. Её хотели вырастить в домашних условиях, просто так, ради интереса: получится или нет.

Купили специальную землю, удобрение, отстаивали воду для полива. Долго ожидали результатов. А так всем хотелось как можно быстрее увидеть распусившиеся бутоны и, как следствие, испытать гордость за свои труды.

Наконец из черенка потянулся робкий зелёный росток. Он то замирал, как бы набираясь сил, то снова продолжал бороться за свою жизнь. Казалось, ещё немного и он завянет, пропадёт. Но хозяйева терпеливо ждали, а вдруг Роза окрепнет и зацветёт?

И она была благодарна за этот шанс жить и, несмотря на плохое самочувствие, изо всех сил старалась расти. А иначе её ждала участь всех ненужных вещей в доме – стать «украшением» свалки... И тогда попасть в этот мир больше не удастся. Нет у черенка второго шанса.

Шло время. Роза подросла и стала тяготиться одиночеством. Через прозрачное стекло ей оставалось только наблюдать за людьми, живущими здесь, в квартире. А так хотелось

в длинной череде дней и изнурительной работы над собой чего-то необыкновенного! Может, ярких впечатлений на балу цветов? Нет, не то. Роза сейчас не в том виде и не в том состоянии, чтобы предаваться веселью и развлечениям. Хотелось чего-то более возвышенного, чувственного, особенного... Да, да, именно! Хотелось Любви: сильной, страстной, нежной! До головокружения, до умопомрачения, по самые лепестки благоухающих бутонов, которых ещё нет, но они непременно расцветут вместе с Любовью. Хотелось быть рядом с тем, кто искренне оценит её красоту, похвалит за стойкость к жизни, кто с наслаждением будет вдыхать запах и аромат и навечно будет очарован её удивительными, как сама Любовь, цветами...

В один из подобных скучных дней на подоконник рядом с Розой поставили горшок с Кактусом.

Ах, какой Кактус! Высокий, с длинными, тонкими, острыми колючками, зелёный-презелёный. Роза онемела от восхищения. Она смотрела на Кактус снизу вверх через стенки надоевшей банки, опьянённая счастьем. Наконец-то она не одна, у неё появился сосед, в которого Роза без памяти влюбилась. Искренняя радость и волнительная страсть переполняли её душу.

Но как же нелепо она выглядела перед Кактусом под стеклом! Когда же наступит счастливый миг и ненавистную преграду между ней и прекрасным незнакомцем снимут? Тогда она выпустит чудные бутоны и с лёгкостью покорит серд-

це неприступного Кактуса. Но, увы, она слишком медленно росла...

Дни тянулись за днями. Кактус даже не смотрел в сторону банки, то есть в сторону Розы. Он словно и не подозревал, что рядом с ним ещё что-то растёт.

Бедная Роза! Ей было досадно от того, что её не замечают. Почему Кактус равнодушен к ней? Ох, как зла была Роза на эту банку, отделяющую её от любви всей жизни! И тут она впервые взглядом, полным упрёка, будто банка что-то почувствует или поймёт, попыталась рассмотреть себя во внутреннем отражении стекляшки. И... о боже! Вместо прекрасного цветка, коим себя считала Роза, она увидела одиноко торчащий из земли нелепый черенок, прижжённый марганцовкой, с такими же нелепо выпирающими по стеблю тремя почками, срезанными шипами и несколькими листочками у самого верха. И это страшилище считало себя цветком?!

Розе стало очень стыдно. И как она раньше не замечала своего внешнего вида? Ей захотелось навсегда остаться в своём укрытии, чтобы не омрачать взор любимого красавца и не вызывать у него отвращения.

Несколько дней Роза была погружена в себя. Она не знала, что делать. Горечь сменялась проблесками надежды, бессилие – дерзким желанием измениться и показать ему, какая она на самом деле. И сломленный дух воспрянул! Бурлящая, жизнеутверждающая энергия заполнила каждую клеточку растения, и из чрева Розы явились на свет долгождан-

ные молодые побеги. В парнике она больше не нуждалась.

Какое счастье – преграды не существует! Роза ликовала: теперь она совсем рядом с любимым Кактусом, так открыта перед ним, теперь она почти прекрасна.

И она стала усердно вытягивать свои нежные молодые побеги к его острым длинным колючкам, надеясь на внимание и взаимность! Но... Кактус оставался отстранённым и серьёзным.

Друг за другом Роза выпускала на свет упругие алые бутоны, которые, раскрывшись, обещали быть восхитительными. Вот-вот, совсем немного, и она расцветёт и станет до конца дней благоухать только лишь для него одного. Но и теперь Кактусу было всё равно.

Роза начала сомневаться в себе и своей привлекательности. Что же нужно этому гордецу? Или ему вообще никто не нужен? Она впала в отчаяние. Её титанические усилия остались незамеченными, как осталась незамеченной и её красота.

Роза поникла. Всё чаще она бесцельно куда-то смотрела, погружаясь в себя. Силы попросту тратились на бесполезные обдумывания и размышления. Почему она решила, что покорит Кактуса своим благоуханием, свежестью и великолепием? Почему она была так бездумна и вольна в подобных мыслях? Почему так глупо полагала, что Кактус будет с ней говорить, будет смотреть на неё и восхищаться ею?

Роза потеряла смысл жизни, который, как она думала,

совсем недавно приобрела. Больше бороться за Любовь ей не хотелось. Так и не распустившиеся бутоны быстро вяли, блёкли и, вздрагивая, падали на белый подоконник. Молодые побеги начали усыхать вместе с недавно появившейся молодой листвой.

Кактус продолжал оставаться непреклонным одиночкой. Его абсолютно не волновало, что происходит с Розой. И вскоре она погибла и даже чем-то стала напоминать Кактус: длинный сухой стебель с засохшими, торчащими в разные стороны побегами и шипами. Была бы Роза рада такому сходству с Кактусом, если бы осталась жива? Может, именно такая она была бы в его вкусе?

Кто же теперь узнает... Погибшую и уже никому не нужную Розу вместе с горшком выкинули в мусорное ведро. А вместе с ней выкинули и все её переживания, мечты, стремления.

В этот день на самой верхушке Кактуса стал заметен маленький бутон. Он быстро рос и вскоре раскрылся большим белым красивым цветком. В течение дня собирался народ, чтобы поглазеть на сию редкость. Белоснежный цветок вызывал бурю радости и эмоций.

Ещё через какое-то время цветок завял и отпал. Кактус вновь стал тем прежним Кактусом, каким и был всегда: высоким, зелёным, с длинными острыми колючками. Но его никто не выкинул. Он продолжил стоять на подоконнике, подставляя себя солнечному яркому свету.

Маринка

(*Быль*)

Маринка не скрывала своей радости: университет наконец остался позади. Пять лет, наполненных зубрёжкой формул, бесконечными часами в библиотеке, рефератами, семинарами и старательно исписанными тетрадями, – всё это завершилось. В руках был диплом, а в душе – ощущение свободы. Можно было вдохнуть полной грудью и впервые за долгое время позволить себе хотя бы один вечер не думать о завтрашнем дне.

Но прежде, чем начать путь взрослой жизни, стоило как следует отметить её начало.

После торжественной части вручения дипломов главный зал университета наконец-то распахнул свои двери, и в компании четырёх подруг, с которыми прошла вся студенческая пятилетка, Маринка направилась в ночной клуб. Девчонки смеялись, дурачились, фотографировались, щедро раздавали улыбки прохожим. Только прохожие, погружённые в свои заботы, не замечали этого солнечного пятна на вечерней улице.

Полупустой клуб хранил прохладу в настроении и ожидал бушующей в драйве полуночи – того самого времени, к которому молодёжь стекалась из разных уголков города. Но разве

это имело значение? Девушки и без того излучали веселье. Устроившись за столиком у танцпола, они заказали немного еды, немного вина – по скромному «выпускному» бюджету. Смех, воспоминания, искренние тосты. Вечер мчался стрелой.

Вскоре клуб наполнился огнями, звуком, движением. Музыка редела, неон впивался в тела танцующих, и девушки уже растворились в бурлящей толпе.

Маринка танцевала. Танец был для неё дыханием, освобождением. Она чувствовала лёгкость, раскованность, молодость, и весь мир казался ей движением света.

И тогда, среди двигающейся однородной массы, она заметила его. Парень. Необычный. Спокойный. Его серьёзный внешний вид казался странным. Он танцевал неподалёку и всё чаще бросал взгляды в Маринкину сторону. Её это тронуло – он был ей по душе. В его взгляде была загадка, в жестах – сдержанность, словно он боролся с желанием подойти.

И она смотрела. И ждала. Медленного танца. Повода. Но диджей будто специально не хотел делать Маринке приятное и ставил не те пластинки. Маринка злилась. Вскоре она устала ждать и отошла к подругам. Внутри зародилась новая надежда: он подойдёт, он заметит, он заговорит.

Он заметил. Подошёл. Но лишь чтобы достать сигарету.

Маринка не знала, куда ей смотреть: то ли на него, то ли по сторонам, делая вид, что ей всё равно. Хотя внутри всё кипело.

Пачку он оставил на её столе – как знак. И вышел. Курить? Или хотел совсем уйти? А может, это было молчаливое приглашение?

Маринка упрямо не последовала за ним. «Я не из тех, кто бегаёт за парнями», – твердила она себе.

Прошло время. Парня не было. Музыка стала раздражать. И вдруг он снова появился. СлилсЯ с толпой. Вернулся!

Маринка ожила. Снова танцы, снова искры, снова взгляды. Он был рядом. Почти касался. А она кокетливо отстранялась. Улыбалась, но не ему. Играла, но сквозь него, уделяя бестелесное внимание другим. Он же теперь – её.

Игра казалась выигранной. Но в какой-то миг он исчез. Опять.

Маринка взволнованно не переставала искать такой желанный силуэт глазами. Сигарет нет – пачка исчезла. Подруги звали – она не слышала. Внутри нарастала досада за своё нелепое поведение.

Минуты тянулись. Вечер таял. Веселье меркло. Надоело всё: музыка, свет, чужие лица. И вдруг – он снова здесь. Серьёзен. Спокоен. Но далёк. Почти не двигаясь в клубных ритмах, слившись с толпой, он пустым взглядом скользил сквозь пространство.

И вновь сумасшедшие чувства захлестнули Маринку. Самодовольство, неотразимость, восторг, надежда. От собственных упрёков не осталось и следа. Ей казалось, он здесь ради неё. Ради её взгляда, её тела в танце. Он выжидает, на-

деясь на внимание.

Она бросилась в центр зала, кружась в ритме, улыбаясь во весь рот, опьянённая странным чувством непонятного счастья. Какой-то парень начал заигрывать. Она – в ответ. А что такого? Её ведь ждут. Казалось, понятие времени перестало существовать.

И всё было прекрасно – до тех пор, пока снова не стало пусто. Он исчез. И больше не вернулся.

И вот она сидит. Одна. Глаза беспокойно бегают по танц-полу. Музыка нервирует. Двигающаяся толпа вызывает злобу. Подруги лишь отвлекают. Радость окончания учёбы? Всё стёрлось. Осталось только жгучее чувство досады.

Лицо, недавно расплывающееся в беззаботной улыбке, заволокло хмурой вуалью, заодно прикрыв сдувшееся чувство собственной неотразимости.

Близился рассвет. Без пяти минут студентки разъехались по домам. Маринка долго не могла уснуть. Она прокручивала в голове каждую деталь, каждое движение, каждый взгляд, жалея о том, что сделала, и о том, чего не сделала. Её вечер – вечер взросления, прощания, надежды – оказался потрачен напрасно.

Ошибка

(О ней)

Танюшка росла девочкой самой обыкновенной, не отмеченной ни гениальностью, ни какой-либо выдающейся особенностью. Средняя школа, серая скамья в университете, и вот она – скромный бухгалтер в ничем не примечательной фирме. Но однажды её словно прорвало: в её жизни появился цвет. Она засияла, будто невидимый до того солнцу бутон, раскрывшийся назло обыденности. Модная одежда, искренний смех, многочисленные подруги, собиравшиеся вокруг неё, как мотыльки на свет.

На работе её обожали за ту лёгкую, почти фантастическую атмосферу, которую она создавала одним своим присутствием. Откуда взялась эта внутренняя метаморфоза, не знал никто, даже она сама. Казалось, Татьяна стряхнула с себя пыль утомительной для неё учёбы, долгих лет серости и последовала за потоком праздника, которого так требовала её, по сути, пустая душа.

Она жила для ощущения лёгкой радости – и радость отвечала ей взаимностью. День за днём, праздник за праздником Танюшка становилась центром притяжения для окружающих. Её не забывали поздравлять, задаривая цветами и подарками, восхищались её живостью и умением быть «в мо-

менте». Ответных поздравлений она почти не отправляла – ей было некогда. Она купалась в своей солнечной орбите, в сотворённом для самой себя пространстве.

Один за другим ухажёры приходили и уходили – слишком неидеальны, слишком обиденны. Пока не появился тот, кто вписался в её картину мира как недостающий штрих. Артём. Его присутствие было еле уловимо, но оно наполняло её жизнь ароматами цветов, столами, ломившимися от подарков, и вниманием, к которому она привыкла и которое требовала от мира. И чем больше она требовала, тем больше этот самый мир восхищался образом жизни Тани с таким фееричным характером, манящим к себе каким-то особенным вдохновением!

Пара сошлась быстро и счастливо. Единственный общий принцип – никаких детей. Дети, по мнению новоиспечённых, это бремя, которое разрушает вечный, созданный годами праздник. Это бессонные ночи, затраты, шум и слёзы. Взрослая дама Татьяна не могла и представить, что сменит свои каблуки на домашние тапки, шёлк и платья – на застиранный халат, а цветочные ароматы – на запах детской присыпки, а столы опустеют от преподносимых даров. Её мир был построен на ней самой, и этот храм был нерушим.

Шли годы. Пыл прежнего веселья угасал. Мысли, ранее пугавшие и безмерно неприятно беспокоившие ум, совсем перестали волновать пожилую душу увядающей женщины. В серьёзно повзрослевшей Татьяне что-то изменилось: неза-

метно пришло желание тишины, отдыха, размеренности. Подруги оставались рядом, делились рассказами о внуках, о детях, – Таня слушала рассеянно, не имея никакого представления о радостях материнства. Главное, её и по-прежнему не забывали поздравлять ни с одним праздником...

Когда Артём ушёл из жизни, в доме поселилась пустота и ощущение глубокого одиночества. Друзья постепенно растворились во времени. Баба Таня быстро одряхла, почти не выходила из квартиры, носила один и тот же затёртый халат и изношенные тапочки, которых так боялась в молодости. От некогда блистательной женщины осталась лишь тень, сторбленная, одинокая, тихая.

В один из унылых дней Таня решила перебрать фотоальбомы. Для неё это были зеркала былой славы – она запечатлевала каждый момент своей искрящейся жизни, в которой блистала. Лица, улыбки, вечеринки... И вдруг из одного альбома выпали фотографии, которых она не помнила. Как они могли выпасть, если молодая Танюшка всегда так кропотливо составляла свои сборники очередных побед, крепя в них каждую фотографию надёжно, в строгой последовательности с произошедшим событием? Артём – молодой, сияющий – обнимает незнакомую женщину. Рядом двое детей: девочка и мальчик, как две капли воды похожие на него.

Таня всматривалась в изображения сквозь толстые линзы очков, с опасно участившимся сердцебиением и дрожащим подбородком. Кто они? Когда? Почему?

Одинокая в одинокой комнате, в полной тишине ей неко-го было ругать, некого было позвать, некому было рассказать и не с кем было поплакать. Трясущиеся от старости, шока и предательства руки держали фотографии, которые говори-ли больше, чем слова. Таня осознала: то, что казалось пра-вильным, оказалось ошибкой без права исправления.

На глянцевые лица улыбающихся детей и женщины, кото-рых она не знала, капали слёзы – тяжёлые, немые, безнадеж-ные. Впервые за долгую жизнь праздник кончился.

Доброта

Шла ожесточённая война. Пули раздирали город на части, снаряды превращали живое в прах. Взвод под командованием лейтенанта Томаса Хокинса стремительно прорывался вперёд, не щадя ни женщин, ни детей.

Томас Х. был ярым ненавистником всей вьетнамской нации, поэтому его автомат стрелял метко и целенаправленно. Маленький город пал под натиском быстро надвигающейся со всех сторон армии, и потерявший пятерых бойцов взвод продолжил уходить в глубь джунглей – туда, где под густым растительным покровом скрывалось подкрепление.

Разведка сообщила о деревне, приютившей партизан, так сильно портивших ход сражения. Приказ был ясен: стереть её с лица земли.

Но джунгли оказались не только укрытием, но и живой, враждебной плотью, приправленной смертью и нечеловеческой изобретательностью.

Солдаты, до сих пор уверенные в своём превосходстве, оказались дезориентированы и почти полностью истреблены, нарвавшись на неожиданные, превосходно замаскированные жестокие ловушки среди незнакомых непроходимых зарослей.

Тех, кого не добились «волчьи» ямы, самострелы, гриндилки и прочая жуткость, добивали вьетнамские партиза-

ны – тени среди листвы, мистическим образом возникающие из земли и снова в ней исчезающие.

Шестерых солдат взяли в плен. В той самой деревушке, которую необходимо было уничтожить, пленных держали в невыносимых условиях, стараясь в буквальном смысле выбить из них необходимую информацию о стратегии и численности армии на подступах к деревне, не гнушаясь самыми изощрёнными пытками.

Лейтенанту повезло больше, если можно так сказать. Ему достался «вьетнамский сувенир». Окутанный страхом, ненавистью и адской болью, не помня, каким образом, он всё же смог высвободить ногу из ловушки. Но от таких глубоких колотых ран он тут же потерял сознание, почти не дышал и казался трупом, что и спасло ему жизнь.

Прошло несколько часов. Смеркалось. Сейчас Томас Х. лежал лицом вниз в жиже из собственной крови, испытывая сильнейшее жжение в ноге, едва замечая жгучие укусы кровососущих насекомых, ползающих по его телу и лицу, пытающихся влезть в носовые и ушные отверстия, в рот, под одежду...

Собрав остатки сил, тяжело дыша, Томас с огромным трудом перевернулся и попытался оглядеться. Вокруг ни единой живой души, только истерзанные тела солдат его взвода. Впереди лежало какое-то внушительных размеров бревно. Видимо, находилось оно там очень давно, потому что густо поросло всяческой местной растительностью. В нём То-

мас увидел спасение и пополз. Несколько метров до бревна дались ему невероятно сложно.

Полулёжа на мягкой зелёной подстилке у самого бревна, лейтенант думал о трёх вещах: как дожить до завтрашнего утра, где достать спасительный глоток воды и как унять нестерпимую резь в ноге. Всё это казалось невозможным. Томас Х. почувствовал, что вновь начинает терять сознание. Голова кружилась, тошнота подступала к горлу, мучительные судороги пронизывали всё тело, а глаза сами закрывались под тяжестью век. В последнюю секунду недалеко от себя он заметил тёмную фигуру невысокого человека, стоящего неподвижно и, по всей видимости, смотрящего на него. В голове Томаса Х. мгновенно зародились два утверждения: спрятался он хреново и теперь его точно убьют. После этого лейтенант отключился.

Любой на его месте, открыв глаза, подумал бы о том, что попал на тот свет. Но небеса не пахнут прелой травой, а ад вряд ли имеет бамбуковый потолок.

Размышления лейтенанта прервала какая-то пожилая вьетнамская женщина, склонившаяся над ним. Она пыталась немного поднять его голову и напоить из глиняной обшарпанной посуды каким-то снадобьем. Томас Х. не стал сопротивляться – выбора у умирающего немного. Жадно испив горькой воды, Томас Х. начал тяжело дышать, а женщина, аккуратно положив голову мужчины на пальмовые листья, исчезла из поля зрения. Лейтенант чувствовал себя

лучше, чем в то время, когда почти умирал среди зелёной поросли у бревна. Боль в ноге оставалась, но уже не приносила таких сильных мучений. Рана была перевязана и обработана смесью целебных трав. Лейтенант это понял, потому что ощущал тугую повязку и стойкий специфический запах горьких растений. Как ни странно, он думал о том, как бы поскорее избавиться от раны и добраться до своих. Что это за лачуга и кто в ней проживает, для лейтенанта не имело значения. Дурман горького питья окутал мозг, и Томас Х. уснул.

За три прошедших дня он почти не просыпался. Несколько раз в день вьетнамская женщина меняла повязки, накладывала на раны свежую густую перетёртую смесь пряных трав и пила горькой целебной настойкой. На четвёртый день лейтенант очнулся. Он чувствовал облегчение и даже сам смог подняться и сесть.

Бедна казалась эта лачуга, как сама война. Ни дверей, ни удобств. По всей видимости, люди, проживающие здесь, добывали себе пропитание тяжёлым трудом. Лейтенанта это ничуть не заботило. Его пустой взгляд вдруг остановился на маленьком вьетнамском лице. Недалеко, у самого входа, сидел маленький мальчик лет семи, осматривающий его с неким недоверием своими черными глазами. Тишину нарушила хозяйка лачуги, та самая пожилая вьетнамка. Она быстро вошла, держа в руках сосуд и миску с рисом, и что-то сказала мальчику по-вьетнамски. Нехотя, но он встал и вы-

шел. Женщина поставила перед военным еду на пол и, стараясь не поднимать на него глаза, вышла следом за сыном.

Крестьянский убогий дом располагался прямо среди заливного поля, хоть лодку подгоняй прямо под дверь. Мальчик стоял по колено в воде и пытался помочь матери возделывать рисовое поле.

– Мама, – выпрямившись, спросил мальчик у матери, увидев её, – почему мы кормим нашего врага? Он и его солдаты убивают наших жителей.

– Он не просто солдат, – негромко, боязливо ответила пожилая женщина, застыв у края поля, – он имеет должность выше, чем просто рядовой. Мы должны его выводить, дать кров, кормить. Потом я попрошу его, чтобы он помог освободить твоего отца из плена.

– Ты думаешь, он поможет? – воодушевился сын.

– Если мы с добром, то и он нам добром ответит, – сказала мать. Она на мгновение задумалась, но, вздрогнув от дуновения ветерка, погрузилась в труд.

Мальчик нагнулся и продолжил то, что делал, теперь уже вместе с матерью.

Томас Х. поморщился, убедившись в том, что его обедом станет всего-навсего рис и вода.

В течение нескольких следующих дней хозяйка лачуги продолжала кормить военного, обрабатывать его рану, поить целительной горечью, при этом стараясь не смотреть ему

в глаза, дабы не разозлить. Сын не боялся разглядывать опасного гостя, за что мать его тихонько ругала и задвигала залатанную нечистую тряпку, служившую подобием шторы, чтобы оградить покой лейтенанта от любопытных взглядов мальчика.

Томас Х. чувствовал себя крайне неудобно в этой грязи и в таких неудобствах. Скучная еда быстро приелась, а два вьетнамских лица, которые он видел каждый день, вызывали раздражение. Рана понемногу начала заживать, боли утихли, что позволило лейтенанту вставать и подходить к дверному проёму, пусть и заметно прихрамывая. Дальше он выйти не мог. Кругом располагались заливные поля, глубокая грязь, вечная сырость. Томас Х. только и мечтал о том, чтобы армия как можно быстрее настигла эти места. Хотелось вернуться в строй и продолжить войну с ненавистной для него нацией.

Лейтенант шёл на поправку очень быстро. Через два дня он начал явно раздражаться от всего, что его окружает. Вьетнамка боялась его, но робко продолжала ухаживать за ним, стараясь как можно реже показываться ему на глаза и нарушать его покой, так как в её смиренной душе теплилась огромная надежда спасти своего мужа из плена противника. Этот военный, пусть и враг, был для неё единственной верой в будущее её семьи.

Ночью пожилая женщина не могла уснуть. Обнимая своего спящего сына, она думала о муже, о страхе перед воен-

ным, о последствиях своей просьбы. И всё же, собравшись с духом, она решила попросить лейтенанта о помощи после завтрака.

Утром, после того, как военный безразлично дожевал изрядно надоевший рис, женщина осмелилась подойти и заговорить. Заикаясь, опасаясь своих слов, она всё же попросила спасти мужа. На вьетнамском...

– Я ни черта не понимаю твоих мяуканий! – как ошпаренный от подобной близости вскрикнул Томас Х., бросив миску в сторону вьетнамки.

Женщина вскрикнула и от страха опрокинулась на пол. На её крик через дверной проём с улицы вбежал сын. Он был очень напуган, кинулся к матери и крепко обнял её, с ужасом глядя в сторону военного. Вдруг вдали послышались выстрелы, грохот, крики. Армия противника наступала. Лица вьетнамской семьи исказил ещё больший ужас.

Сознание Томаса Х. пронзили мысли о спасении, о войне, о бойне и мести.

Вот они пришли, наконец-то, за ним!

Сорвавшись с места, забыв о незажившей ране, Томас Х. выбежал из лачуги, впервые за девять дней. Он бежал, заметно хромя, босиком по воде рисового поля, вминая, как и надежду вьетнамской семьи, каждый рисовый росток, на который наступал, в размягчённую землю. Задыхаясь, падая в грязь и вновь поднимаясь, он бежал в том направлении, где был виден дым от пожаров, где слышны были выстрелы

и грохот от разрывающихся бомб.

Армия рядом. Она нашла своего лейтенанта. Вновь дала ему оружие и гранаты, хорошее обмундирование и цель для истребления.

Томас Х. никогда не вспоминал те два вьетнамских лица, которые поглотила война, вместе с той лачугой, рисовым полем и единственной, так и не понятой, просьбой.

О женском (*Быль*)

Начала я заниматься хоккеем с 2018 года. Случайно увидела объявление о наборе в женскую сборную. Позвонила по указанному номеру, расспросила, что для этого надо. Женский голос ответил уверенно и чётко: желание заниматься и форма за свой счёт. Второе для меня показалось дорогим удовольствием. И я решила не возвращаться к этому вопросу.

Через месяц на глаза вновь попало объявление о наборе в сборную. Что мною двигало, я до сих пор не пойму – возможно, любопытство, азарт, что-то новенькое, далеко не обыденное. Позвонила снова. Ответил всё тот же женский голос, который описал все прелести игры в новом ракурсе. Но опять же форма за свой счёт. На этот раз мысль о тренировках не давала покоя.

В городе это впервые – женская сборная по хоккею. Мужские есть. Женская – это нонсенс. И я, любящая окунуться во всё необычно-новое, громкое и особенное, приняла тот факт, что отвертеться от своих мыслей и желаний уже не получится. И неважно, что ни я, ни члены моей семьи никогда ничего общего с хоккеем не имели. На коньках я умела кататься так себе, клюшку и вовсе в руках никогда не держала.

А форма... О, это отдельный вопрос. Что входит в комплект, как она выглядит и в каком порядке всё это надевать, я выяснила позже. Часть формы приобрела в магазине на заказ – выбрала самое дешёвое (но далеко не плохое), часть – бывшее в употреблении, куплено по заниженной цене. Коньки я искала по всему городу, перемерила несколько пар и наконец-то нашла более-менее подходящие, опять же не новые и не фирменные.

Команда подобралась отличная. Семейные и незамужние, с детьми и без, работающие и сидящие в декрете, умеющие хорошо кататься на коньках и умеющие лишь держаться за бортик... Совсем скоро это последнее утверждение ушло в небытие и бортик стал лишь ограждением ледового поля, ну, или тем местом, куда мы не часто, но периодически врезались во время разгорячённой игры. Тот женский голос в телефоне принадлежал, как оказалось, очень хорошему человеку – матери троих детей-хоккеистов, женщине, не знающей преград (ведь это она два года добивалась создания женской сборной – и добилась!), игроку-вратарю в нашей команде.

Несколько месяцев тренировок позади, много приобретённого опыта, упорство, литры пота, ушибы и падения. Но этого мало, нам нужно больше и больше. Работать и работать, чтобы участвовать в турнирах и побеждать – главное кредо участниц команды. Вишенкой на торте, конечно, являются взаимная поддержка и приятное внутрикомандное

общение.

Иногда хоккеисты мужской сборной команды по хоккею изъявляют желание приходить на женские тренировки – учить, играть, тренировать. Не спорю, эта смесь полов на ледовом поле даёт результаты. И имею я в виду нас, женщин. Мы становимся быстрее, проворнее, лучше держимся на коньках, приобретаем большой опыт в плане ведения шайбы и забивания её в ворота.

После очередной такой тренировки, когда поверхность льда, изрезанная лезвиями коньков, превратилась практически в снег, а обе команды двух полов отправились в раздевалку, истекая потом и тяжело дыша, но внутренне радуясь полуторачасовому интенсиву, произошло маленькое, но значимое событие.

Усталая, но довольная, я вышла из ледового комплекса. На улице был сильный мороз, а злой ветерок совсем не ласково щипал разгорячённые щёки. Укутавшись в тёплый шарф, надев капюшон, чтобы защитить от ветра лицо, я направилась в сторону дома. За собой я тащила большой, тяжёлый баул со своей хоккейной формой и клюшкой. Впереди, на стоянке, загудел мотор стоявшего автомобиля. Сзади слышались твёрдые быстрые шаги и хруст снега. Меня догнал один из мужчин-хоккеистов, который также после игры торопился домой.

– Хорошо поиграли, – громко и дружелюбно произнёс мужчина и почти поравнялся со мной.

– Да, – ответила я, обернувшись.

– Женщины многое умеют, – продолжил он также громко. – Женщины – это наше всё! – почти воскликнул он гордо, обогнал меня и направился к той машине, у которой недавно завёлся мотор.

На мгновение я подумала, что этот мужчина, как истинный джентльмен, предложит довести, ведь не зря же он так восхищался женщинами. К тому же мороз крепчал.

Но спустя это мгновение мужчина проворно сел в свою приличной марки машину, дал по газам, развернулся и скрылся в морозной дымке.

Я перешла одинокий пешеходный переход и направилась домой вдоль пустой улицы. Ледяной ветер, казалось, дул во все стороны. Кутаясь в тёплый шарф, я тащила за собой тяжёлый баул с формой и клюшкой...

Из головы никак не выходили громкие слова того случайного человека: «Женщины – это наше всё!».

Больничная палата

Больничная палата. Воздух пропитан запахом лекарств. Дневной свет слабо проникает сквозь прикрытые на окнах жалюзи и дрожит на светлых стенах, не прибавляя ни тепла, ни надежды. На прикроватной тумбе плотным рядом аккуратно разложены пачки с таблетками и коробочки с пилюлями. Тишину нарушает ровный, пульсирующий писк кардиологического монитора.

В кровати лежит женщина, ей нет и пятидесяти. Глаза её открыты, но взгляд цепенеет в потолке. После обширного инфаркта тело её заключено в собственную немощь. Мир, каким он был, с его поездками, спонтанными прогулками, радостями телесными и духовными, остался по ту сторону. Привычный образ жизни под запретным грифом. Теперь она прикована – к этой койке, к этой тишине, к себе.

Рядом с кроватью сидит пожилой мужчина, её супруг. Он кажется немного старше. Его крепкие, большие морщинистые руки заботливо держат руку больной так, будто в этом простом касании – всё, что осталось от жизни. Сердце его бьётся с силой – не от бодрости, а от невозможности чем-либо помочь. В голове роем кружат мысли, соскальзывая в прошлое и жая воспоминаниями о прожитых вместе счастливых годах.

Усталая женщина смотрит в потолок. Её взгляд прони-

зан горечью нереализованных мечтаний. Как много она ещё не сделала, и многое оставалось в планах! Михаил, такой статный и влекущий, ждал её в кафе с огромным букетом роз в день случившегося несчастья с сердцем, а ведь он был одним из её фаворитов. Евгений, нежный романтик, оплатил номер у моря, готовый встречать её в белом пансионате с видом на горизонт. Константин, пылкий, эмоциональный, знал каждую её слабость, дарил ощущения, подарки и страсть. А ещё – десятки имён, строки переписок, обещания, надежды, ухаживания. Всё рухнуло в одночасье. Сломанная ось прежнего мира. Романы, флирт, знакомства – теперь лишь тень от жалюзи на стене. Вместе со здоровьем ушло и то, что наполняло её жизнь огнём и азартом.

Женщина отводит взгляд и отворачивается к стене, пряча лицо от мужа, от себя, от боли. Кардиомонитор усиливает свой ритм, будто вторит её душевному надлому.

Ни о чём не подозревающий муж продолжает сидеть у кровати любимой жены. Он то крепче сжимает её неподвижную руку, будто пытаясь не дать ей уйти, то ослабляет свой хват и начинает нежно гладить прохладную кожу пальцев, словно убаюкивая свои страхи. Покой оставил его опустевшую душу, в теле поселилась тоска, выжигая остатки жизненных сил.

– Всё наладится, слышишь, всё наладится, – еле слышно проговорил мужчина. – Ты скоро поправишься, и будет всё, как и прежде.

Он прильнул своими губами к ладони жены – как к образу, как в молитве, как в последней клятве.

– Я так люблю тебя, – прошептал он, смахнув тяжёлую мужскую слезу со своего лица.

Романтика

1

Люся встречалась с Вадимом Александровичем.

Её забавляло и одновременно льстило, с каким почтительным трепетом подчинённые произносили его имя и отчество – будто касались чего-то хрупкого и святого. Они обращались к нему исключительно на «Вы», сторонились взгляда, замирали при его мимолётном недовольстве. А она шептала: «Вадик», смеялась звонко, легко, почти по-детски, особенно в минуты, когда его сильные руки скользили по её телу, а между ними оставалось только дыхание и темнота.

Он был женат. Двое детей. Высокая должность, счета с шестью нулями в банках, гараж, который больше напоминал выставку люксовых автомобилей. Их отношения не просто были тайной – они должны были оставаться вне времени и вне мира. Их укромное убежище – дом, о существовании которого не знал никто: ни деловые партнёры, ни ближайšie соратники, ни тем более жена.

Дом был скрыт за городом, как остров среди леса. Просторный, одноэтажный, изолированный, как будто вырезанный из действительности. Гостиная и столовая – единое, наполненное воздухом пространство. Ванная – почти спа-салон. А звукоизоляция была такой, что даже эхо боялось от-

ражаться. В подвале – ряды припасов: аккуратные стеллажи, полные еды, воды, лекарств. Всё рассчитано на выживание не одного – пары, по меньшей мере два года в изоляции. Надёжность – как мания, как религия. При малейшей угрозе срабатывал режим полной блокировки: стены, окна, потолок и пол превращались в непробиваемый панцирь. Не дом – крепость. Бункер. Миллионы – в бетон и металл.

Такова была цена работы и занимаемой должности: тени, политика, риски.

И всё же именно Люсе он доверился – почти сразу, инстинктивно, вопреки разуму. Разумеется, проверил её досье, пробил по всем базам, убедился, что она чиста. И очень скоро она стала для него не просто утешением. Она стала его тишиной. Его исповедальней. Его голосом совести, что не осуждает. Он говорил ей то, чего не говорил никому: про дом, про семью, про сделки на грани закона. Он был уверен, всё останется между ними. В шёпоте слов поддержки и понимания. В её тёплых ладонях. В полусонных объятиях под мягким одеялом.

Один из дней выдался особенно тяжёлым и беспокойным. Вадим испытывал острую необходимость завершить его в объятиях женщины, которая понимала его как никто другой.

Удовлетворив свои моральные и физические желания, Вадим Александрович, лёжа в кровати спальни, делал глубокие осмысленные затяжки своей сигареты, выпуская в потолок

тяжёлые кольца дыма. Люся, отпив несколько глотков мартины, поставила бокал на прикроватную тумбу и вновь вернулась к своему непостоянному мужчине, положив голову ему на грудь и слушая стук его беспокойного сердца. Она нежно водила своими тонкими пальчиками по его коже, отчего Вадиму Александровичу было одновременно приятно и щекотно. Он немного ёрзал и посмеивался, потом замирал, делая очередную затяжку и ожидая повторных прикосновений.

– Завтра я улетаю, – проговорил Вадим.

Люся подняла голову с его груди и с интересом посмотрела на его лицо.

– Надолго? – спросила она.

– Не знаю, как решу все дела. – Он потянулся к пепельнице и затушил окурок.

– Когда бросишь курить? – спросила она игриво, всё ещё вглядываясь в каждую морщинку под его глазами. – Ты обещал.

Он повернул голову к Люсе, улыбнулся и поцеловал её.

– Вадим, – протянула Люся, словно маленькая шкодливая девочка. – Помнишь, ты говорил об этом.

– Ради тебя обязательно брошу. – Тут он изменился в лице, стал серьёзным и задумался. – Но после приезда. Прилечу и брошу. Сейчас без никотина я не справлюсь. Переговоры сложные. Всё висит на волоске.

– Переговоры пройдут хорошо, я знаю, – сказала Люся весело, потрепала Вадиму волосы, словно ребёнку, и встала

с кровати. – Я в душ! – почти крикнула она, двигаясь в направлении ванной комнаты. – Потом я бы хотела поесть!

Вадим Александрович с удовольствием смотрел на то, как легко порхает обнажённый силуэт. Когда это чудесное тело скрылось за дверью ванной, Вадим вновь задумался. Как много проблем давило на него.

После прохладного душа в Люсе чувствовалась ещё большая лёгкость и игривость. На столе красовалась невероятная итальянская пицца, от горячего куриного супа исходил приятный аромат, холодные куски запечённой сёмги с листьями свежей мяты и ломтиками сочного лайма казались похожими на произведение искусства. Свежесваренный чай благоухал, ожидая своей очереди с шоколадным пралине.

С плазменной панели тихо бормотали новости. Любовники с аппетитом ели, мало говорили, наслаждаясь крошечными моментами перед расставанием.

– Ты всё выключил? – спросила Люся, стоя в гостиной с сумочкой в руках, как школьница в ожидании звонка. Хотя она и так знала, что Вадим строго следит за порядком во всём.

Он накинул пиджак, поправил галстук и потянулся за пультом, чтобы выключить плазму.

– Что так долго? – спросила Люся, видя, как Вадим с серьёзным видом теребит пульт в руках.

– Не выключается.

Он постучал пультом по столу и ещё раз попытался нажать

на кнопки. Но ничего не происходило.

И тут раздался гул. Низкий. Животный. Пугающий.

Люди замерли, осторожно оглядываясь по сторонам. Панель погасла сама. Потом – темнота. И сразу же, почти без паузы – движение. Со скрежетом и лязгом начали закрываться панели: окна, двери, стены. Всё. Дом превращался в саркофаг.

Люся вскрикнула, инстинктивно прижав сумочку к груди. Вадим метался, не веря в происходящее. Через несколько секунд наступила тишина. Абсолютная. Только биение сердец и прерывистое дыхание.

Загорелись аварийные огоньки. Дом замер. В тусклом свете можно было разглядеть объятых страхом мужчину и женщину и гостиную, все поверхности которой теперь покрывала толстая звукоизоляционная непробиваемая броня

– Всё в порядке? – прошептала Люся.

Ответа не последовало. Только новая волна гула. И вновь – гробовая тишина.

Следующие два часа люди находились в полном замешательстве, они выясняли ситуацию между собой, искали выход и ответы на мучающие вопросы.

Связи не было. Ни мобильной, ни спутниковой. Ни одного сигнала. Только три комнаты остались доступны: спальня, гостиная и ванная. Всё остальное поглотил занавес. Паркет, казавшийся тёплым и домашним, оказался всего лишь прикрытием для стальных плит. Вадим пытался разобрать пол –

молотком, ножами, руками – бесполезно. Он не был готов к такому повороту событий, и уж тем более не была готова Люся.

– Прости, что говорю тебе, – всхлипывала она, вытирая влажной салфеткой растёкшуюся по щекам тушь. Девушка сидела на диване гостиной, поджав ноги, в уже помятом платье. – Но ты должен был всё предусмотреть. Даже это...

– Я не знаю, что произошло! – всё больше раздражался Вадим. Он сильно вспотел, снял пиджак и галстук, край рубашки небрежно вылез из брюк. – Какой-то сбой. Может, кто-то узнал о доме, активировал систему без моего ведома.

– Должен же быть выключатель! Или включатель... Можно ли управлять всем этим? – недоумевала Люся.

– Я проверил всё! Не начинай! – громко злился Вадим.

Он сжал виски, будто надеясь, что боль утихнет. Ему казалось, что его будто что-то душит, и он порывистыми движениями расстегнул верхние пуговицы своей рубашки. Одновременно с этим он озлобленно потряс головой, закидывая её назад, выставляя вверх свой и так выдающийся вперёд подбородок, и издал тяжёлый выдох.

В душе Люси так всё сжалось от этой полутёмной замкнутости и безвыходности, от неожиданной неприятной злости со стороны человека, который совсем недавно так страстно любил её, что она вдруг вскочила с дивана, кинулась на шею своему Вадику и зарыдала. Тело его казалось горячим – от страха или жара. Он поднял взгляд на непробива-

емый потолок. Вырваться из этой клетки пока не представлялось возможным. Вопрос о продолжении жизни в таких условиях тоже не находил ответа. В сознании Вадима что-то содрогнулось – ему впервые стало действительно страшно. И он так сильно вцепился в талию Люси, как утопающий в обломок дерева, словно она осталась единственным существом на всём этом свете.

– О господи! – внезапно вскрикнул Вадим словно не своим голосом.

Он оттолкнул Люсю так, что она чуть не упала, и ринулся в сторону обеденной зоны. Он схватил ножи и молоток и принялся долбить паркет дрожащими руками. Обнажились такие же защитные панели.

Люся смотрела на действия своего любовника с явным беспокойством. Вдруг Вадим с ненавистью отбросил инструменты в сторону, сел на пол, опершись спиной о ножку стола, сжал голову двумя руками и застыл пустым, остекленевшим взглядом где-то у носка своего ботинка. Какое-то время Люся не решалась вымолвить ни слова и даже пошевелиться. Но потом всё же тихо и осторожно спросила:

– Что случилось?

Вадим медленно поднял голову, посмотрев исподлобья каменным взором, и обречённо произнёс:

– Подвал с едой внизу. А мы наверху. Улавливаешь связь?

Люся бросила взгляд на часть плиты, виднеющейся среди щепок только что разодранного паркета. Да, она понимала,

о чём говорит Вадим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.